

*Посвящается памяти Джонатана Дэниелса —
островитянина, южанина, американца, друга*

Ты удалил от меня друга и искреннего;
знакомых моих не видно.

Псалом 87

Пролог

ДВЕ СУДЬБЫ

1686 год. Мальчик-углежог

— Парень должен взять мою фамилию, — заявил Уиндом после ужина. — Сколько уже времени прошло!

Эту больную для него тему он обычно затрагивал, когда как следует выпивал. Мать мальчика, которая сидела возле небольшого очага, закрыла Библию, лежавшую у нее на коленях.

Бесс Уиндом погружалась в чтение каждый вечер. Наблюдая за беззвучным движением ее губ, мальчик видел, что продвинулась она не слишком далеко. Когда Уиндом заговорил, она как раз наслаждалась своим любимым стихом из пятой главы Евангелия от Матфея: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное».

Мальчик, двенадцатилетний Джозеф Моффат, сидел, прислонившись спиной к печной трубе, и остругивал маленькую игрушечную лодочку. От своей матери он унаследовал плотную фигуру, широкие плечи, а также каштановые волосы и бледно-голубые глаза, такие светлые, что порой они казались бесцветными.

Уиндом мрачно взглянул на пасынка. По тростниковой крыше стучал весенний дождь. Под глазами Уиндома залегли темные круги от угольной пыли. И такая же черная пыль навсегда застряла под его обломанными ногтями. В свои сорок лет он был законченным неудачником, неуклюжим и туповатым. Когда он не напивался до беспамятства, то рубил дрова и потом две недели пережигал их в огромных двадцатифутовых кучах, превращая в древесный уголь для небольших плавильных печей побережья. Это была грязная, унижительная работа, и все матери в округе пугали чумазым угольщиком своих непослушных детей.

Джозеф не отвечал и только исподлобья смотрел на отчима. Уиндом заметил, как мальчик постукивает указательным пальцем по рукоятке ножа. Характер у пасынка был вспыльчивый, иногда Уиндом его даже побаивался. Но не сейчас. На этот раз молчание

Джозефа, которым он обычно выражал свой протест, лишь еще больше разозлило Уиндома.

— Мне и своя фамилия нравится, — наконец произнес Джозеф и снова занялся лодочкой.

— Ах ты, дерзкий щенок! — визгливо закричал Уиндом и рванулся к пасынку, с грохотом уронив табурет.

Бесс бросилась к мужу:

— Оставь его, Тад! Ни один истинный ученик Спасителя нашего не причинит вреда ребенку!

— Да, такому зверенышу поди попробуй вред причини. Ты только посмотри на него!

Джозеф уже стоял на ногах, прижавшись спиной к трубе очага. Он тяжело дышал и не мигая смотрел на отчима, крепко сжимая нож в согнутой руке, готовый в любую секунду нанести удар.

Уиндом разжал кулак, неловко попятился и поднял упавший табурет. Как бывало всегда, свой страх перед пасынком и душившую его обиду он вымещал на жене. И Джозеф, вернувшись на свое место возле печи, с ненавистью подумал о том, как долго он еще сможет это терпеть.

— Я сыт по горло твоими проповедями! — заявил Уиндом жене. — Ты только и твердишь, что твой благословенный Спаситель любит бедняков. Твой первый муженек, видать, был недоумок, раз умер за эту брехню! Вот если твой любимый Христос здесь появится и соизволит ручки испачкать, чтобы помочь мне уголь жечь, тогда я в Него поверю. А так — ни за что. — И он потянулся к зеленой бутылке с джином.

Той же ночью, лежа на своем тюфяке у стены, Джозеф напряженно прислушивался, как за потрепанной занавеской Уиндом оскорбляет его мать, не забывая подтверждать слова тумачами. Бесс тихонько всхлипывала, и мальчик до боли стискивал кулаки. Но вскоре она начала издавать другие звуки, и, слыша ее стоны и сдавленные крики, мальчик с горечью думал, что ссора закончилась тем же, чем обычно.

Он не винил свою несчастную мать за то, что ей хотелось немного покоя, защиты и ласки. Просто она выбрала не того мужчину, вот и все. И еще долго после того, как невидимая кровать перестала скрипеть, Джозеф лежал без сна, думая о том, как убить углежого.

Ни фамилии отчима, ни его убогой жизни он для себя не хотел. И своей непокорностью словно желал доказать, что достоин совсем иной судьбы. Особенно с тех пор, как два года назад Уиндом

отдал его в ученики в плавильню Эндрю Арчера, фабриканта железных изделий.

И все-таки иногда, в самые унылые дни, его охватывало отчаяние, и тогда он говорил себе, что все его мечты о лучшей доле глупы и несбыточны. На что может надеяться такое ничтожество, как он? Ведь грязью покрыто не только его тело, но и душа. Угольная пыль, которую Уиндом приносил домой, навсегда въелась даже в его одежду. А преступление, за которое умер в Шотландии его отец, запятнало его позором, хотя он и не понимал, в чем оно состояло.

«Блаженны гонимые...» — неудивительно, что матери так нравились именно эти строки.

Отец Джозефа, не улыбочивый длинноусый фермер, которого мальчик помнил очень смутно, был ярым сторонником Ковенанта. Он истек кровью после долгих пыток тисками для рук и ног еще в то время, которое Бесс называла ужаснейшим из времен. Это были первые месяцы правления герцога Йоркского, позже взошедшего на трон под именем Якова II. Герцог поклялся искоренить пресвитерианство и установить епископскую власть в стране, давно уже раздираемой политическими и религиозными распрями.

Друзья поспешили на ферму Роберта Моффата, чтобы сообщить жене о жестокой смерти ее мужа и предупредить о грозящей ей опасности. Долго не раздумывая, Бесс решила бежать вместе со своим единственным сыном, и вовремя — уже через час после их бегства прибыли солдаты герцога и сожгли ферму дотла. После нескольких месяцев скитаний мать и сын добрались до холмов на юге графства Шропшир. И здесь, слишком устав от всего пережитого, Бесс решила остановиться.

Лесистый край к юго-западу от извилистой реки Северн казался вполне безопасным захолустьем. На последние деньги, что удалось принести из Шотландии, Бесс сняла небольшой домик. Чтобы прокормиться, она бралась за любую черную работу, а через пару лет встретила Уиндома и вышла за него замуж. Она даже притворилась, что приняла официальную веру, потому что, хотя Роберт Моффат и заразил жену религиозной лихорадкой, он не вселил в нее достаточно храбрости для того, чтобы и после его смерти сопротивляться властям. Ее истинная вера стала для нее опорой перед лицом невзгод.

А вот ее сын уже скоро решил, что не будет иметь ничего общего с ее бесполезной верой для слабаков. Теперь он хорошо знал,

на кого хочет быть похожим. Его кумиром стал Арчер, умный, решительный и независимый человек, владелец плавильни и кузницы, хозяин большого красивого дома на берегу реки.

Разве старина Джайлс не говорил Джозефу, что у него есть сила воли и что он добьется успеха? Разве не повторял он это все чаще в последнее время?

Раньше Джозеф очень верил Джайлсу. Верил до тех пор, пока не посмотрел на угольную пыль под своими ногтями, слушая насмешки других подмастерьев:

— Грязный Джо, черный, как африканец!

И тогда он понял, что все его мечты не стоят ломаного гроша, и смеялся над собственной глупостью, пока его бледно-голубые глаза не наполнились постыдными слезами, которые он не мог сдержать.

Старый бобыль Джайлс Хазард был одним из трех самых главных людей в плавильной мануфактуре Арчера. Он отвечал за кричный горн, где чугунные болванки из печи плавилась заново, чтобы удалить из них избыток углерода и другие примеси, делающие чугун слишком хрупким дляковки подков, колесных ободов и наконечников для плуга. Хазард обладал грубым зычным голосом и гонял мастеров и подмастерьев и в хвост и в гриву. Всю свою жизнь он жил в десяти минутах ходьбы от кузницы и работал в ней с девяти лет.

Невысокий и плотный, Джайлс был невероятно прыток, несмотря на солидный вес. Внешне они с Джозефом были чем-то похожи, быть может, поэтому он относился к мальчику почти как к сыну.

А может, еще и потому, что Джозеф оказался очень способным учеником. Под присмотр Джайлса он поступил прошлым летом, через год работы у Арчера. Как-то раз Хазард обсуждал подмастерьев с человеком, ответственным за плавильню. И тот похвастался тем, как проворно Джозеф управляется с формовочным желобом, по которому расплавленный металл стекает дальше к маленьким желобкам, напоминающим поросят, присосавшихся к свиноматке. Из-за этого готовые отливки с давних пор стали называть чушками.

Пользуясь своим привилегированным положением на мануфактуре, Джайлс пристроил мальчика к горну, поручив ему управляться с длинной железной заслонкой, которая регулировала движение трех из четырех заготовок за один раз, чтобы нагреваемый

уголь мог расплавлять их одинаково равномерно. Джозеф все схватывал на лету и уже скоро заслужил похвалу своего наставника.

— У тебя крепкая рука и природное чутье к этому ремеслу, Джозеф, — говорил ему Джайлс. — Да и характер покладистый, вот разве что злишься, когда тебя дразнят из-за отчима, это я заметил. Ты бери пример с хозяина. Да, нрав у него суровый. Но он отлично знает, что иной раз лучше его не показывать. С покупателями он всегда мил и приветлив, и даже когда они упорствуют, никогда не настаивает.

В душе Джайлс, конечно, не надеялся, что мальчик прислушается к его словам. Характер Джозефа уже сформировался, да и его будущее виделось очень ясно: среда, в которой он рос, и безграмотные родители, без сомнения, обрекли его на беспросветную жизнь. Если, конечно, эти неожиданные взрывы ярости не приведут его раньше к смерти в какой-нибудь уличной драке.

Но все же, может, потому, что с годами старый Хазард начал понимать, что напрасно не завел семьи, он продолжал опекать Джозефа. И учил его не только профессиональным навыкам.

— Железо правит миром, мой мальчик. Именно оно пашет землю, соединяет континенты и... выигрывает войны.

На мануфактуре Арчера действительно отливали пушечные ядра для военного флота.

Джайлс поднял к небу круглое, как сыр, лицо:

— Одному Богу известно, как железо появилось в нашем мире. Метеоритное железо известно еще с глубокой древности.

— А что такое метеорит, мастер Хазард? — тут же спросил мальчик.

По лицу Джайлса расплылась улыбка.

— Падающая звезда. Ты наверняка их не раз видел.

В ответ Джозеф задумчиво кивнул. Хазард продолжил рассказывать об истории металлургического дела, делясь с мальчиком тем, что знал сам. Он говорил о нагревательных печах, существовавших в Германии с X века, о доменных печах, распространившихся во Франции в XV, о бельгийских валлонцах, которые открыли способ второй переплавки чугуна почти шестьдесят лет назад.

— Но все это лишь краткий миг на великих часах истории железа. Святой Дунстан ковал железо еще семь столетий назад. Говорили, что горн стоял прямо у него в спальне в Гластонбери. Египетских фараонов хоронили с железными амулетами и кинжалами, потому что металл в ту пору встречался очень редко и высоко ценился. В нем сокрыта огромная сила. Я читал о кинжалах из

Вавилона и Месопотамии, которые появились за многие миллениумы до рождения Христа.

— Я не слишком хорошо умею читать...

— Кто-то должен тебя научить, — проворчал Джайлс. — Или ты сам должен научиться.

— Я хотел сказать, — чуть помедлив, ответил мальчик, — что никогда не слышал этого слова... Милл... как вы сказали?

— Миллениумы. Миллениум — это тысяча лет.

— О-о... — Джозеф моргнул.

Хазард с удовольствием отметил, что мальчик прекрасно все запоминает.

— Человек многому может научиться с помощью книг, Джозеф. Не всему, конечно, но очень многому. Разумеется, если он хочет стать кем-то бóльшим, чем простой углежог.

Джозеф понял, что хотел сказать мастер. И кивнул без тени обиды на лице.

— А ты, вообще-то, грамоту знаешь? — спросил Джайлс.

— О да... — Он запнулся, посмотрел на Джайлса, потом сконфуженно признался: — Чуть-чуть. Мать пыталась учить меня по Библии. Мне очень нравились истории о героях. О Самсоне, Давиде. Но Уиндом разозлился, узнав, что мать меня учит, и она перестала.

Джайлс немного подумал:

— Если будешь оставаться здесь на полчаса каждый вечер, я попробую.

— Уиндому может не...

— Соври, — перебил его Джайлс. — Если он спросит, почему ты задержался, соври ему. Конечно, если хочешь чего-то добиться, а не закончить свою жизнь углежогом.

— Думаете, я смогу, мастер Хазард?

— А ты сам как думаешь?

— Да.

— Значит, сможешь.

Этот разговор состоялся прошлым летом. Всю осень и зиму Джайлс учил мальчика. Учителем он был хорошим, настолько хорошим, что Джозефу очень захотелось рассказать о своих успехах матери. Как-то вечером, когда Уиндом отправился бражничать, он показал ей книгу, которую прятал дома. Это было одно весьма спорное сочинение недавно умершего Дада Дадли, незаконнорожденного сына пятого лорда Дадли. Называлась книга «Metallum

Martis, или Изготовление железа с использованием земляного и морского угля».

Опираясь на собственный опыт, Дад Дадли утверждал, что при выплавке чугуна древесный уголь можно вполне успешно заменить на каменный, о чем Джозеф хотя и не без труда, но все-таки вполне сносно прочитал матери. Глаза Бесс вспыхнули от восхищения, но тут же погасли.

— Учение — это прекрасно, Джозеф. Но оно может привести к неумейной гордыне. Главным в твоей жизни должен быть Иисус.

Джозефу не понравились слова матери, но он промолчал.

— Только две вещи важны в этой жизни, — продолжала Бесс. — Любовь к Сыну Божьему и любовь одного человека к другому. Такую любовь я испытываю к тебе, — закончила она, неожиданно обняв сына.

Он услышал, как она тихо всхлипнула, ощутил дрожь ее тела. Тяжелые времена лишили ее всех надежд, кроме надежды на рай, и всех привязанностей, кроме привязанности к сыну и к Спасителю. Джозеф жалел ее, но собирался жить по-своему.

Уиндому они ничего о занятиях не сказали. Но какая-то новая гордость, появившаяся в Бесс, начала бесить ее мужа. Как-то летним вечером, вскоре после той ссоры, когда Джозеф отказался взять фамилию отчима, мальчик, вернувшись домой, нашел мать лежащей на полу в синяках и кровавых ссадинах. Уиндома дома не было. Бесс отказалась говорить сыну о том, что случилось, и умоляла его не трогать отчима. Джозеф пообещал, но так и не смог побороть свой гнев.

Когда с наступлением следующей осени холмы Шропшира оделись в золотые и багряные одежды, Джайлс счел успехи мальчика настолько серьезными, что решился на смелый шаг.

— Я собираюсь поговорить с хозяином и попросить его позволить тебе проводить по часу в неделю с их домашним учителем. Уверен, Арчер разрешит ему немного позаниматься с тобой математикой, а может, и латынью.

— С чего ему возиться со мной? Я ведь никто.

Старый Джайлс рассмеялся и потрепал Джозефа по голове:

— Он будет рад заполучить даром преданного и хорошо образованного служащего. Это во-первых. А во-вторых, Арчер — весьма достойный человек. Таких в мире очень мало.

Джозеф не слишком поверил своему наставнику, пока Джайлс однажды не объявил, что Арчер согласился. В тот вечер мальчик летел домой как на крыльях, позабыв о своей обычной осторож-

ности. Над рекой и холмами висел густой туман, было холодно и зябко. Уиндом сидел дома, мрачный и пьяный. Не обращая внимания на предостерегающие взгляды матери и думая лишь о том, что нашелся еще один человек в мире, который проникся к нему добротой, Джозеф выпалил новость прямо с порога.

Уиндом на известие пасынка об учителе только покуражился:

— Ну и ну! И зачем, скажите на милость, нашему юному олуху понадобился учитель? — Он окинул мальчика презрительным взглядом. — Он ведь дремучий невежда. Такой же, как я.

Бесс тербила край фартука, не зная, как спасти сына от расставленной ловушки. Так ничего и не сказав, она быстро отошла к печке, от волнения споткнувшись о кочергу.

— Уже нет, — в упор глядя на отчима, твердо произнес Джозеф. — Старый Джайлс меня учит.

— Чему это?

— Читать. Чтобы стать лучше и умнее.

Уиндом фыркнул, сосредоточенно поковырял в носу мизинцем, потом вытер его о штаны и громко захохотал:

— Пустая трата времени! Чтобы научиться работать у горна, книги не нужны.

— Зато нужны, чтобы стать богатым, как мастер Арчер.

— Ах вот оно что! Значит, ты надеешься разбогатеть?

У Джозефа побелели губы.

— Будь я проклят, если останусь таким же бедным и тупым, как ты!

Уиндом взревел и двинулся к мальчику. Бесс перестала нервно помешивать рагу в котелке, подвешенном над огнем. Раскинув руки, она бросилась к мужу:

— Он ничего такого не хотел сказать, Тад! Будь милосерден, как учит нас Христос...

— Ах ты, безмозглая богомольная сука! Я разделаюсь с ним, и никто мне не помешает! — заорал Уиндом и с размаху ударил ее по голове.

Бесс пошатнулась, сильно ударилась плечом о печь и вскрикнула. То ли от боли, то ли от страха за сына ее преданность Христу отступила. Она подняла с пола упавшую кочергу и неловко замахнулась ею. Конечно, ее решимость выглядела жалко, но Уиндом предпочел увидеть в ней угрозу и развернулся к жене.

Джозеф, испуганный и взбешенный, вцепился в отчима. Уиндом с силой отшвырнул пасынка. Замерев от ужаса, Бесс вертела в руках кочергу и никак не могла ухватиться за нее покрепче. Уин-

дом с легкостью вырвал кочергу из рук жены и на глазах Джозефа дважды ударил ее тяжелым железным прутом по виску. Бесс рухнула на пол, по щеке поползла струйка крови.

Мгновение Джозеф смотрел на мать, а потом с бешеной яростью бросился к Уиндому, чтобы отнять кочергу, но тот отшвырнул ее к дальней стене. Тогда Джозеф прыгнул к печке, схватил кипящий котелок и выплеснул его содержимое прямо в лицо отчиму. Уиндом взвыл как раненый зверь и прижал ладони к обожженным ослепшим глазам.

Джозеф и сам обжег руки, но не чувствовал боли. Не помня себя от гнева, он схватил пустой котелок и что есть мочи ударил отчима по голове. Когда Уиндом упал и его крики стали тише, Джозеф обмотал цепь котелка вокруг его шеи и тянул до тех пор, пока металлические звенья едва не врезались в плоть. Уиндом наконец перестал брыкаться и затих.

Мальчик выскочил в туманную ночь. Сначала его вырвало. Потом вернулась боль, и он почувствовал, как горят ладони. Только теперь он осознал, что наделал. Ему хотелось упасть на землю и заплакать, хотелось убежать без оглядки. Но он заставил себя вернуться к распахнутой двери. Войдя в дом, он увидел, что спина матери едва заметно шевелится. Бесс была жива!

После многих попыток ему наконец-то удалось поднять ее на ноги. Бесс что-то бессвязно бормотала, время от времени вдруг начинала смеяться. Джозеф закутал ее в шаль и повел сквозь туман к дому Джайлса Хазарда в двух милях от них. По пути Бесс несколько раз спотыкалась и едва ли не падала, но мольбы сына заставляли ее двигаться дальше.

Джайлс с ворчанием вышел на стук, держа в руке свечу. Через минуту они уже вместе укладывали Бесс в его еще теплую низенькую постель. Осмотрев раненую, Хазард отступил назад, задумчиво потирая подбородок.

— Я сбегаю за доктором, — сказал Джозеф. — Где он живет?

Старый Джайлс не скрывал тревоги.

— Вряд ли доктор ей поможет, слишком сильно ей досталось.

— Нет! Она не умрет! — Мальчик не мог сдержать слез.

— Посмотри на нее. Она едва дышит. А наш цирюльник, который пользуется дешеских больных, неуч, и больше никто. Помочь он ей все равно ничем не сможет, только начнет расспрашивать, как она получила такие ужасные раны.

В ответ на так и не прозвучавший вопрос наставника Джозеф лишь угрюмо буркнул, что ее ударил Уиндом.

— Нам остается лишь одно — ждать, — заключил Джайлс.

— И молиться Иисусу...

Джозеф произнес это от отчаяния. Когда Хазард поставил на огонь чайник, мальчик опустился на колени возле кровати и стал горячо молиться.

Вот только непохоже было, что его молитву услышали. Дыхание Бесс Уиндом становилось все слабее, и когда сквозь туман над рекой начал просачиваться свет звезд, жизнь покинула ее. Джайлс осторожно коснулся плеча спящего Джозефа.

— Сядь к огню, — сказал Хазард, накрыв одеялом избитое, но такое безмятежное после смерти лицо Бесс. — Она скончалась. Отправилась на поиски своего Иисуса, и тут уж ничего не исправить. А вот что будет с тобой? Все зависит от того, поймают тебя или нет. — Джайлс глубоко вздохнул. — Ведь твой отчим мертв? — (Мальчик молча кивнул.) — Я так и подумал. Иначе ты бы не привел ее сюда. Он бы не позволил.

— Я рад, что убил его! — с ненавистью выкрикнул Джозеф.

— Уверен, он того заслуживал. Но ты теперь убийца. Арчер не захочет держать у себя в работниках убийцу, и я не могу его за это винить. И все же... — Его голос смягчился, напускная суровость растаяла. — Я не хочу, чтобы тебя повесили или четвертовали. Но что мы можем сделать? — Он принялся расхаживать по комнате. — Они ведь будут искать Джозефа Моффата, верно? Отлично, ты станешь кем-то другим.

Приняв решение, Джайлс тут же составил бумагу, утверждавшую, что ее предъявитель, Джозеф Хазард, его племянник, едет по семейному делу. Поколебавшись мгновение, Джайлс подписался своим именем, добавив слова «дядя и опекун» и несколько затейливых росчерков внизу. Росчерки каким-то необъяснимым образом прибавили документу достоверности.

Джайлс пообещал похоронить Бесс по христианскому обычаю и настоял на том, чтобы мальчик не задерживался в его доме. Потом, дав ему два шиллинга и небольшой узелок с хлебом, велел избегать людных дорог, обнял на прощание и отправил растерянного Джозефа Моффата за дверь, в серые от тумана холмы.

На пустынной дороге в Глостершир Джозеф почему-то остановился и посмотрел на небо. Туман полностью рассеялся, в вышине сияли тысячи звезд. На востоке, над крышей сыроварни, мальчик вдруг увидел ярко-белый пылающий росчерк. Что-то стремительно несло по небосклону к земле.

Железо. Бог послал человеку железо — точно как говорил старый Хазард. Теперь Джозеф понимал, почему литейщики так гордились своим ремеслом, ведь оно родилось на небесах и было освящено ими.

Мальчик с благоговением смотрел, как светлая полоса растаяла у горизонта. Он представил огромный кусок звездного железа, тлеющего где-то там, в образовавшемся кратере. Мир еще не создал более могущественного материала. Неудивительно, что именно с его помощью выигрывались войны и завоевывались новые земли.

С той минуты он больше не сомневался в том, чему хотел бы посвятить свою жизнь.

Джозеф направлялся в Бристоль. Его ни разу не остановили, и ему не пришлось предъявлять бумагу, так заботливо составленную Джайлсом. Это ли не доказательство того, что жизнь Тада Уиндома не стоила и ломаного гроша?

Он горевал о матери, но ничуть не сожалел о том, что убил отца. Он сделал только то, что должен был сделать, и месть лишь стала попутчиком необходимости.

По дороге Джайлс неожиданно обнаружил, что думает о том, о чем никогда раньше не думал, — о религии. Веру своей матери в доброго, всепрощающего и, очевидно, беспомощного Христа он никогда не разделял. Но, сам того не ожидая, вдруг почувствовал интерес к Ветхому Завету. Бесс читала ему истории о сильных, храбрых людях, которые не боялись дерзких поступков. И теперь, шагая через поля и леса к большому порту на западе Англии, он ощущал все более крепнущее родство с ними и с их Богом.

После нескольких неудачных попыток он наконец нашел торговое судно, которое вскоре должно было отплыть в Новый Свет, в ту часть мира, куда в эти дни стремились многие англичане в поисках лучшей доли. Называлось оно «Портсмутская чайка». Предложение капитана Смоллета, сурового морского волка с деревянной ногой, прозвучало вполне определенно.

— Ты подписываешь со мной договор о том, что поступаешь в мое полное распоряжение. Взамен я даю тебе возможность уехать отсюда и пропитание, пока ты на борту. Мы зайдем в Бриджтаун на Барбадосе, потом отправимся в американские колонии. Там нужны опытные работники. Если ты действительно знаешь плавильное дело так хорошо, как говоришь, я там тебя без труда пристрою.

Капитан посмотрел на Джозефа поверх кружки с элем, поднеся ее ко рту. Мальчик не только ничего не имел против жестких условий сделки, но и был в восторге. Если человек полон решимости чего-то добиться, он всегда вынужден делать трудный выбор, в этом Джозеф уже убедился. Так было и с героями Ветхого Завета Авраамом и Моисеем. И если Джозеф хотел быть на кого-то похожим, лучших примеров ему не найти.

— Ну, Хазард, что ответишь?

— Вы не сказали, как долго я буду вашим слугой.

Капитан Смоллет одобрительно ухмыльнулся:

— Ты молодец. А то некоторые, уж не знаю, на радостях или от ужаса перед своими прошлыми преступлениями, забывают об этом спросить, пока мы не выходим в открытое море. — Он устал в кружку. — Семь лет.

Сначала Джозеф хотел крикнуть: «Нет!», но промолчал. Смоллет принял его молчание за отказ, пожал плечами и встал, бросив несколько монет на грязный стол таверны.

А Джозеф подумал, что попасть в рабство к другому человеку на целых семь лет, конечно, тяжело. Но ведь можно использовать это время с умом. Продолжать учиться, узнавать новое, как хотел Джайлс, и не только о своем будущем ремесле, но и о других сторонах жизни. Через семь лет он станет свободным человеком в новой стране, где наверняка нужны хорошие плавильщики и где никто никогда не слышал о Таде Уиндоме.

Уже в дверях таверны капитан Смоллет остановился, услышав:

— Я подпишу.

В тот вечер, когда Джозеф быстро шел по пристани к «Портсмутской чайке», зарядил дождь. На корме в окнах капитанской каюты горел свет. Он был таким ярким и манящим. Уже вскоре именно там ему предстояло поставить свою подпись на договоре.

Он улыбнулся, подумав о Смоллете. Вот шельма! О прошлом Джозефа он спросил лишь вскользь. Опасаясь, что капитан может передумать, мальчик показал ему документ, написанный Хазардом. Смоллет пробежал его глазами, хмыкнул и вернул бумагу Джозефу:

— Семейное поручение. В колониях. Кто бы мог подумать!

Их взгляды встретились. Смоллет прекрасно понимал, что мальчик в бегах, но ему было плевать на это. Джозефу он все больше и больше нравился.

Семь лет не такой уж долгий срок. Совсем даже не долгий.

С этой мыслью Джозеф остановился у лестницы, ведущей к воде. Спустившись по ней до середины, он одной рукой ухватился за скользкие деревянные перила, а другую погрузил в соленую воду — один раз, второй, третий. Потом проделал то же самое со второй рукой. Если на его ладонях и оставалась некая символическая кровь, теперь она исчезла. Он начинал новую жизнь.

В свете фонарей стоявшего рядом судна Джозеф рассмотрел свои мокрые ногти. И рассмеялся. Прежде под ногтями были темные полосы угольной пыли. Они тоже пропали.

Шагнув на трап, Джозеф присвистнул. Он был в прекрасном настроении. Предстоящие семь лет рабства не только не пугали его, он смотрел в будущее с новым чувством неожиданно обретенной свободы.

В Новом Свете все будет по-другому для Джозефа Моф... нет, Джозефа Хазарда. Бог поможет ему. Его Бог, который теперь становился все более понятным и дружелюбным, благоволил храбрецам, не отступавшим перед трудностями.

Джозеф и его Бог стали еще ближе друг другу в последние несколько дней. Они теперь были друзьями.

1687 год. Аристократ

В конце весны следующего года за океаном, в королевской колонии Каролина, еще один человек мечтал о том, чтобы сколотить состояние.

Его стремления граничили со страстью. Ведь когда-то он уже знал, что такое богатство, власть, уверенность в будущем. Но незыблемость такой жизни оказалась лишь иллюзией, а деньги и власть смылю, как роскошный песчаный пляж близ Чарльстона под натиском штормового прилива.

Чарльзу де Мэйну было тридцать лет. В эту британскую колонию он и его красавица-жена Жанна приехали два года назад. Вообще-то, европейцы жили в Каролине всего каких-нибудь семнадцать лет, так что все две или три тысячи белых горожан были здесь, условно говоря, первопоселенцами.

Среди колонистов была и группа искателей приключений с Барбадоса. Эти люди обосновались в деревушке Чарльстон и очень быстро присвоили себе власть под покровительством лордов-собственников, английских аристократов и фаворитов коро-

ля, которые и основали эту колонию. И теперь эти самые барбадосцы уже ставили себя выше других.

Чарльз считал их непрактичными глупцами. Они мечтали о некоем сельскохозяйственном рае, где могли бы выращивать сахарный тростник, табак, хлопок или даже заниматься весьма прибыльным производством шелка. Чарльз смотрел на вещи более реалистично. Прибрежные земли Каролины были слишком сырыми для хорошего земледелия. Летом здесь царил невыносимая духота, в которой могли выжить только самые выносливые. В настоящее время благополучие в колонии, каким бы оно ни было, можно было обеспечить только из трех источников. Пушнина, которую как раз возили через факторию Чарльза. Скотоводство. И еще одно, новое для него дело, которым он занялся не так давно: доставка из глухих районов живого товара под дулом пистолета.

Индейцев для рабовладельческого рынка.

Нельзя сказать, что Чарльз де Мэйн приехал в эти края прибрежных болот и песчаных холмов, потому что ему здесь понравилось или он счел здешнюю жизнь выгодной для себя. Они с Жанной просто бежали сюда из долины Луары, где Чарльз родился четырнадцатым герцогом в своем роду.

Ему еще не исполнилось двадцати, когда он женился и начал управлять семейными виноградниками. Несколько лет супруги жили душа в душу, и беспокоило их лишь то, что Жанна никак не могла зачать. Но потом религиозная вера их предков разрушила их жизнь.

Когда Людовик XIV в 1685 году отменил Нантский эдикт, неустойчивое перемирие между французскими католиками и протестантами закончилось. Как и все другие отчаянно гордые гугеноты, а в гордечах некоторые французы видели лишь изменников, Чарльз де Мэйн и его жена оказались под угрозой расправы, которая уже очень скоро последовала на их родине. Когда начался террор, любые попытки покинуть страну стали считаться серьезным преступлением. И все же, как и сотни других гугенотов, де Мэйны втайне строили планы бегства.

В деревне рядом с величественным родовым замком де Мэйнов жил некий законник по фамилии Эмильон, который прекрасно умел скрывать за благочестивой внешностью свою алчность и лживость. Он отлично знал, какую выгоду можно извлечь от продажи в Англии великолепных красных и белых вин, что производились на винодельнях де Мэйнов, и очень хотел заполучить их,

Содержание

ПРОЛОГ. Две судьбы	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Под барабанный бой	35
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Друзья и враги	271
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «И прочных уз связующие нити порвутся одна за другой»	475
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Шаг в пропасть	741
Послесловие	857

Джейкс Дж.

Д 40 Север и Юг. Великая сага. Книга 1 : роман / Джон Джейкс ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 864 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-12722-7

Соединенные Штаты Америки. 1840-е годы. На этом фоне разворачивается увлекательная история двух семей: Мэйнов с Юга и Хазардов с Севера. Любовь, ненависть, ревность, фанатизм, патриотизм, семейные драмы и личные победы...

Орри Мэйн из Южной Каролины и Джордж Хазард из Пенсильвании подружились во время учебы в Вест-Пойнте. Но сможет ли дружба людей из столь разных частей страны, дух товарищества, рожденный в общих тяготах, преодолеть те безумные страсти, которые уже готовы развязать Гражданскую войну?

Как и ставший классикой роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», сага Джейкса о войне между Севером и Югом имела грандиозный успех и до сих пор числится в списке мировых бестселлеров.

В 1985 году Эй-би-си сняла по трилогии сериал, который имел огромный успех и до сих пор остается очень популярным. Главные роли исполнили Патрик Суэйзи («Грязные танцы», «Дом у дороги») и Джеймс Рид («Блондинка в законе», «Звездный путь: Вояджер», «Коломбо»). В сериале также снимались такие звезды, как Кирсти Элли, Дэвид Кэррадайн, Джин Келли, Роберт Митчем, Джин Симмонс, Оливия де Хэвилэнд, Джеймс Стюарт и Элизабет Тэйлор.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН ДЖЕЙКС
СЕВЕР И ЮГ
ВЕЛИКАЯ САГА. КНИГА 1

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Редактор Ольга Радько
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 00.06.2018. Формат издания 60 × 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 00. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-АВВ-20834-01-Р